

Николай Пирогов

**ПОНЕМНОГУ
О МНОГОМ**

6+

Николай Пирогов
Понемногу о многом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пирогов Н. Л.

Понемногу о многом / Н. Л. Пирогов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

В книге Николая Пирогова представлены произведения разных литературных жанров: пьеса, повесть, очерки, рассказы (серьезные и шуточные), рассуждения (эссе). Автор дает свою оригинальную оценку событиям и людям, о которых пишет. Его мнение не всегда совпадает с принятой большинством точкой зрения.

Содержание

I. Пьеса. Герой не нашего времени	6
Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	10
Картина 3	11
Картина 4	13
Действие второе	16
Картина 1	16
Картина 2	19
II. Повесть. Хорошо в деревне летом...	23
Генка и Галька	27
Володька и Сашка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

*Ничто нас в жизни не может
Въшибить из седла.
Константин Симонов*

I. Пьеса. Герой не нашего времени

Драма в двух действиях

Действующие лица

Воронин Виктор Петрович, первый заместитель управляющего трестом «Спецстрой», возраст – немного за пятьдесят, с открытым лицом, крепкой фигурой, блестящими глазами.

Воронина Таисия Владимировна, его жена, миловидная женщина, одного возраста с ним.

Бондарев Александр Иванович, моложе Воронина лет на 5, успешный бизнесмен.

Лаптев Василий Семенович, управляющий трестом «Спецстрой», далеко за 60, плутватый, уверенный в себе.

Лилия Ивановна, начальник отдела кадров треста, смазливая, худощавая 40-летняя особа.

Ашот Карапетян, главный специалист треста, смуглое лицо, гордый вид, 70 лет.

Винокуров, начальник отдела треста, 30 лет.

Начальник отдела снабжения треста, вертлявый человек неопределенного возраста, похожий на Иудушку Головлева, но с наглым выражением лица.

Алексей Алексеевич, глава администрации района, неопределенного возраста, невысокий, коренастый.

Главный инженер, заместители управляющего трестом, все в возрасте 40–50 лет.

Работники аппарата треста, возраст от 30 до 60 лет.

Рабочие, ремонтируют офис Бондарева.

Действие первое

Картина 1

Кабинет Лаптева, управляющего трестом «Спецстрой». Собрались его заместители, главный инженер и секретарь партийной организации Лилия Ивановна, она же начальник отдела кадров, давняя любовница управляющего. За глаза про нее говорят, что в тресте она занимает три должности. Это не совещание, а как бы дружеская беседа. Сидят все в вольных позах в креслах у стола, на диване у стены. Управляющий медленно ходит по кабинету.

Лаптев. Ну что, мужики, пардон, леди и джентльмены (*смеется, глядя на Лилию Ивановну*), давно мы вот так все вместе не собирались. А время такое, что советоваться надо почаще. Перестройка к концу идет, развал наступает. Самим надо вертеться.

Главный инженер. Да, это верно.

Замы (*вразнобой*).

Тяжелое время.

Бардак просто.

Непонятно, что будет.

Лилия и Воронин молчат.

Лаптев. Ну да ладно. До дел дойдем. Время сейчас нерабочее. Можно слегка расслабиться. Лилия, ребята из армянского управления нам коньяк привозили, давай-ка оформи его с закуской.

Лилия уходит.

Лаптев (*доверительно*). Сдал я ее сыну в аренду нашу мехмастерскую. Цена умеренная. Очень довольна. Сын – бизнесмен. Какие-то штучки пластмассовые начал делать. А Лилия (*усмехнулся*) будет делать то, что нам нужно. Сейчас это очень важно.

Замы (*вразнобой*).

Правильно.

Это дело.

Одобрям.

Входит Лилия с красивой дорожной сумкой, достает из нее рюмки, закуску, две бутылки коньяка. Лаптев открывает бутылку и разливает коньяк по рюмкам.

Лаптев (*поднимая рюмку*). Ну что сказать, время сейчас лихое, подобного и не припомню. Держаться нам надо друг за друга, вместе действовать, слаженно. Вот за это и выпьем.

Все чокаются, пьют и закусывают.

Лаптев. Ну, о делах мы еще потолкуем. А сейчас рассказали бы, как отпуск-то провели. Я-то, вы знаете, в деревне отдыхал, на родине. Ох, благодать там. Сохранилась, правда, одна природа, а колхоз растащили, как будто его и не было. Вы все по санаториям ездите. Небось, без жен. Знаю я вас, ребята не промахи. Ты, Лилия Сергеевна, шла бы работать. Спасибо, все нам организовала. Да и больше одной рюмки ты не пьешь. А мы еще выпьем, погутарим.

Лилия уходит, делая слегка обиженный вид.

Главный инженер. Ну, выпьем еще по одной. (*Наливает.*) Белогвардейский тост: «Выпьем молча. Мы слишком много болтаем и поэтому имеем то, что мы имеем».

Один из замов. Почему белогвардейский?

Главный инженер. Да в кино «Адъютант его превосходительства» белогвардеец его предложил.

Хохотнув, чокаются и пьют.

Один из замов. А имеем-то иногда не так и мало. Вон, Виктор Петрович интересней всех отпуск провел, это точно. Поехал по горячей путевке на Кипр. Петрович, рассказал бы, как все сложилось.

Воронин (*в хорошем расположении духа, приняв общий веселый тон*). Расскажу. Чем одинокие мужики занимаются в отпуске?

Один из замов. Флиртом, конечно.

Все захохотали.

Лаптев. Ну да ладно. Пускай Виктор доскажет.

Воронин (*весело*). Решил я сразу определиться, не одному же болтаться три недели. Записался на следующий день на экскурсию на необитаемый остров. Курить-то я бросил, а тут подвернулась компания – две блондинки, симпатичные, лет по тридцать пять. И обе курят.

Один из замов. Действительно симпатичные или из тех, которые на свидания со своей водкой ходят?

Опять все засмеялись.

Главный инженер. Не мешай. Дай человеку досказать.

Воронин. На самом деле – что надо, и водка не нужна. Ну, думаю, сделаю зигзаг, покурю с ними вместе, познакомимся. Купил у грека пачку «Мальборо» и зажигалку. Подхожу к ним, говорю, что я такой-то, а как вас зовут? Катя и Света. Начали беседовать, а я, не торопясь, достал сигарету, понюхал ее. Когда не куришь год, ох и приятно табак пахнет! Чиркнул зажигалкой, и тут весь газ, что в ней был, сразу вылетел. Факел был, наверное, в полметра. Нос обожгло, подпалились брови и волосы. Хорошо, хоть глаза целы остались. Вдоль лица – черная полоса, а на носу волдырь.

Все захохотали.

Лаптев. Ну, а дальше-то что?

Один из замов. Да, интересно, как дальше-то?

Воронин. Да уж чего интереснее. Вы смеетесь, и кругом тогда, видели бы вы, как все хохотали. Со стыда чуть не провалился.

Другой зам. И что же стал делать?

Воронин. Чего делать? Нос лечить. Убежал сразу от автобуса. На носу волдырь все растет. Таисии позвонил, спросил, как лечить ожег. На руке вроде бы. Как сказала, так и лечил. И две недели один занимался физкультурой. Натренировался так, что приехал и на третий этаж на одной ноге допрыгал – с сыном поспорили.

Главный инженер. А на носу ничего не заметно.

Воронин. Весь фокус был в том, чтобы вылечить без последствий. Ободрал бы волдырь, так бы круг на носу и зафиксировался, как пяточок у свиньи.

Лаптев. Это тебя бог наказал. Не блуди. Остановил тебя.

Воронин. Наказали – это точно. Да только не бог. Когда приехал, Таисия говорит, что у нее на следующий день, как меня проводила, уж очень здорово кольнуло сердце. Оказалось, тогда и кольнуло, когда я нос подпалил. Совпало время чуть не до минуты. Это она мне своим сердцем-то по носу и звезданула.

Все засмеялись.

Один из замов. Видно, любит тебя здорово.

Воронин. Любит, я знаю.

Лаптев. Ну, выпьем еще по маленькой. Вместо тоста я вам анекдот расскажу. Отец сыну говорит: «Выпьем, сынок, по сто грамм». Сын: «Отец, дело говоришь, конечно, выпьем». Выпили, посидели, посмотрели телевизор. Отец снова: «Сынок, а может, еще по сто пятьдесят?» Сын: «Молодец, отец, отличная мысль». Выпили, отдохнули немного, отец и говорит: «А теперь поработать бы чуток, дрова распилить да поколоть». Сын: «Отец, ты, когда напьешься, такую околесицу несешь!»

Посмеялись, но задумались. Ведь Василий Семенович обычно зря ничего не говорит.

Лаптев. Это я к тому рассказал, чтобы не воспринимали мои слова как тот нахальный сын. Разговор у нас серьезный. Главный доложит ситуацию.

Главный инженер. Партия учит нас быть предпринимателями. Надо научиться зарабатывать деньги, а не ждать от государства подачек. Мы с Василием Семеновичем провели инвентаризацию. И вот вам список механизмов и материалов, которые можно реализовать. Мы их сактируем, износ поставим предельный, никакой прокурор не придерется. *(Раздал пачку скрепленных листов бумаги. Все внимательно их изучают.)*

Лаптев. Может, есть вопросы?

Воронин. Если это все продать, то работать будет нечем. Как же так?

Главный инженер. Это – отсталый взгляд. Будем брать подряды, а в смету закладывать и покупку материалов, и аренду механизмов. Так вот.

Один из замов. Но стоимость работы намного увеличится. Найдем ли мы заказчиков?

Лаптев. Я с министерскими договорился. За откат процентов в двадцать они нас заказами обеспечат.

Главный инженер. Всем вместе надо заняться реализацией по этому списку.

Лаптев. Заработок здесь приличный, в долларах, наличными. Хватит нам жить на копейки. Позже обсудим, как деньги делить. Все будет справедливо, не сомневайтесь. Ну так что, лады? Или что-то непонятно?

Воронин *(после долгого молчания)*. Так значит вы, Василий Семенович, предлагаете нам вместе воровать? Создать что-то вроде шайки? Может, я не так понял?

Лаптев *(побагровел и с ненавистью посмотрел на Воронина, помолчал с минуту)*. Понял ты не так. Дополнительный заработок будете получать в виде премий по приказам.

Общее молчание.

Воронин *(встав и ни к кому конкретно не обращаясь)*. Я, если вы не против, пойду. Сыну сегодня двадцать лет, опаздывать нехорошо.

Лаптев *(широко улыбаясь)*. Конечно, конечно.

Воронин по очереди жмет всем руки и уходит.

Один из замов. Я, пожалуй, тоже покину вас. Буду увольняться. Нашел подходящее дело, поэтому решайте все без меня.

Лаптев. Ну что ж, вольному воля.

Зам прощается со всеми за руку и уходит.

Лаптев *(жестко, четко)*. Ну вот что. Осталось нас четверо, Лиля – пятая, без нее не обойтись. *(Нажимает кнопку.)* Лиля, зайди. Пока идет, выпьем. *(Разливает коньяк.)* Воронин болтнул, шайка, мол, мы. Мы не шайка, а команда, один за всех и все за одного. Предательства прощать не будем. Так?

Главный инженер. Так, Василий Семенович. По-другому в наше время не получится.

Входит Лиля.

Лаптев. За это и выпьем. Лиля, садись. Вот что, други, продажа техники – это семечки, так, разминка. Главное вот в чем. Впереди – акционирование. Фонды у нас огромные, по нынешним ценам – на миллиарды рублей: здания, сооружения, земля. Все это должно стать нашим. Раз мы руководители, значит, должны быть и собственниками, хозяевами. Руководству по закону приличный процент акций положен. Но это – мало. Нужен контрольный пакет. Не будет его – все от нас уплывет. Ребята из кооперативов, что в малиновых пиджаках шляются у нас по коридорам, живо перекупят все акции. А дальше – нас под зад. С Лилей Ивановной подготовили соображения на этот счет. Лиля, скажи.

Лиля. Я прикинула, у кого можно сразу же выкупить акции. Вот список, все эти люди, считайте, у нас на крючке. Кто в чем замешан. Дергаться не будут, не позволим. У нас должно

быть больше пятидесяти процентов, это реально. Но здесь поработать надо. Просто так, само собой не получится.

Главный инженер, два зама (*вразнобой*).

Толково.

Молодец, Лиля Ивановна.

Вот так и надо.

Лаптев. Но вы не учитываете главное.

Замы. Что не учитываем?

Лаптев. Что, что, Воронина не учитываете. Без него-то ничего не получится. А он не с нами, и с нами не будет, неужели не понятно? Пока мы тут химичили, он ведь практически всем трестом руководил. Если бы не он – давно бы обанкротились. И еще: я ведь в министерство сведения дал на кадровые замещения, его – на управляющего трестом. Он это знает. Мне за шестьдесят, а ему – на десять меньше. У него закалка крепкая с детства. Сиротой рос. Мальчишкой в оккупации был. И всю жизнь – отличник. Коллектив его уважает. Сделают ставку на него – всем нашим планам конец (*последнее слово говорит по слогам*).

Лилия. Выберут его председателем собрания, вот и все. (*Разводит руки в стороны.*)

Главный инженер. Может, это... Того...?

Лаптев. Чего это «того»?

Главный инженер. Ну, несчастный случай какой...

Лаптев. Уголовщиной заниматься не позволю.

Заместитель управляющего. А что делать-то?

Лаптев. Думать надо.

Занавес

Картина 2

Маленькая кухня в хрущевской пятиэтажке. За столом Воронин и его жена Таисия. Отужинали. Воронин уставший, потухший.

Воронин. Устал я, Тая. Ох, как устал. Не работа, а каторга. Все, что раньше было плохо, сейчас – хорошо, что было хорошо, оказалось – дурость какая-то. Что недавно называлось спекуляцией, то сейчас – бизнес, предпринимательство. Сердце стало болеть. К концу дня еле ноги таскаю.

Таисия (*подошла сзади, обняла мужа*). Витюша, я с трудом до вечера дотерпела. Новость хорошая, сюрприз. Вера, подруга моя на работе, ты ее знаешь, предложила...

Воронин. Да не тяни. Суть-то дела в чем?

Таисия. Если коротко – мы можем купить дом в деревне. Недорого. Сто пятьдесят километров от Москвы. Вера мать к себе забирает, а дом пустой. Оформление по дарственной.

Воронин (*оживился, глаза заблестели*). Ну-ка, ну-ка, расскажи, что за дом, какой участок?

Таисия (*радостная, что муж повеселел*). Обычный деревенский, рубленый пятистенок. Участок пятьдесят соток и для картошки – хоть гектар. Земля – палевая, ближе к чернозему. Дом, правда, давно не ремонтировался, ну да мы с тобой рукастые, и дети помогут. Вера и фото сделала, три штуки, смотри.

Воронин (*разглядывает фотографии, подперев голову рукой. Думает. Таисия молчит, смотрит на мужа*). А ты знаешь, это выход. Бросил бы я эту работу к чертовой матери, и уехали бы мы с тобой в деревню. Я ведь до института, ты заешь, крестьянствовал. Все умею делать. Любому сто очков вперед дам.

Таисия (*буквально расцвела от радости*). Ой, Витя, я думала, ты не согласишься.

Воронин (*печально*). Но, понимаешь, дело-то не простое. Людей я предаю, они ведь на меня надеются. Так и говорят, что только я могу дело поставить правильно, остальные в руководстве – ворье, все растащат, все продадут.

Таисия (*сурово, с напором*). Виктор, а лучше будет, если ты инфаркт получишь? Скажи – лучше? И что коллектив твой будет делать? Вместе со мной плакать? Да?

Воронин. Тая, мне же до пенсии еще два года. Без денег как жить-то?

Таисия. Два года – не срок. Протянем. Да у нас и кое-что накоплено. Не пропадем. Еду свою сами вырастим – картошку, овощи. Кур заведем.

Воронин (*оживляясь*). А ты права. Поросенка заведем, корову, овец.

Таисия. Витя, да ты что, разве со всем этим справишься? Я ведь городской житель.

Воронин. А я на что? Всему научу. А о корове мы еще с матерью мечтали. Если на дворе корова, считай, семья обеспечена питанием.

Таисия. Витюш, согласна я и на корову. Лишь бы тебе хорошо было.

Воронин. А ты знаешь, хорошо бы трактор купить, маленький – «Беларусь». Там и ковш, и отвал, косилку, плуг – все можно приспособить. Это идея. У нас их распродают. Мне не откажут. Все, решено. Завтра говорю с управляющим.

Занавес

Картина 3

Кабинет управляющего трестом. За столом – Лаптев. Звонок телефона. Лаптев нажимает кнопку. Голос Воронина: «Василий Семенович, здравствуйте. Надо бы зайти, поговорить».

Лаптев (*ласково, само радушие*). Заходи, Виктор Петрович, прямо сейчас и заходи, я один. (*Секретарше по внутреннему телефону*): Ниночка, пару чашек кофе.

Немного погодя входит Воронин. Жмут руки.

Воронин. Я, Василий Семенович, хотел...

Входит секретарша. Ставит поднос с чашками кофе, сахарницей. Молча уходит.

Лаптев. Что в стране творится! Кто бы мог подумать? Армянское и узбекское управления объявили о самостоятельности, тресту больше не подчиняются. Все, что есть, – приватизировали. И ничего не сделаешь – другие государства. Ельцин, дурак, войну с Чечней затеял. А Гайдар столько наломал дров, что долго расхлебывать будем. Да и расхлебаем ли?...

Воронин. Главное – партию развалили. Ведь она и не партия вовсе, а орган управления. Нет его – и страны нет. Надоело все, Василий Семенович. Была бы пенсия, ушел бы не раздумывая.

Лаптев (*загадочно улыбаясь*). Прав ты, Виктор Петрович. Знаешь, а пенсия-то у тебя льготная уже выслужена. У тебя же северный стаж.

Воронин. Года два до льготы не хватает.

Молча пьют кофе. Лаптев по внутреннему телефону связался с Лилией.

Лаптев. Лилия Ивановна, дорогая, принеси-ка мне личное дело Воронина. У нас тут неясность есть насчет его пенсии. И захвати, пожалуйста, последнее постановление о льготных пенсиях.

Лилия пришла быстро, как будто стояла за дверью. В руках – две папки.

Лаптев. Лиля, разъясни нам ситуацию с льготными пенсиями. Обрадуй Виктора Петровича.

Лилия. Ну так что не ясно? Вы, Виктор Петрович, если бы пятнадцать лет проработали в районах Крайнего Севера, то на пенсию по старости... Ой, простите, какой же вы старик? *(После жеманной усмешки продолжила.)* На пенсию по возрасту могли бы выйти на пять лет раньше, то есть в пятьдесят пять лет.

Воронин. Да знаю я это. В том-то и проблема, что пятнадцати лет нет.

Лилия. У вас северный стаж – тринадцать лет и девять месяцев. Вот смотрите, все подсчитано точно. По старому порядку, если нет полных пятнадцати лет, то льгота не возникает, а новое постановление гласит, что отработавший на Севере больше десяти лет, но меньше пятнадцати, льготу все же имеет. Считается она легко – вот, смотрите. *(Передала листок с расчетом Воронину и продолжила.)* Вы можете выйти на пенсию по возрасту ровно через сто пятьдесят два дня. Но это не все. На сегодняшний день у вас, Виктор Петрович, неиспользованный очередной отпуск за три года, а это с учетом добавки за вредность – девяносто рабочих дней, да еще отгулов у вас двадцать семь дней. В общем, я подсчитала – вы можете увольняться хоть сегодня.

Лаптев *(крякнул, взглянул на Лилию с укором).* Лилия Ивановна, это дело не твоего ума. Подсчитала – спасибо, можешь идти.

Лилия, обиженная, быстро выскочила за дверь.

Воронин. А что это за отгулы она насчитала?

Лаптев. Да я ей велел учитывать работу руководства в выходные дни. Вот у тебя и получилось за год двадцать семь дней.

Лицо у Воронина покраснело, он замолчал. Замысел Василия Семеновича он хорошо понял.

Воронин. Меня вообще-то устраивает уйти на пенсию, но жить на что-то надо. Заниматься буду своим делом. *(Сильно смущаясь.)* Хочу просить у тебя, Василий Семенович, или тракторишко, или грузовичок.

Лаптев. И ничего больше?

Воронин. Больше ничего. Хорошо бы «Беларусь» или ЗИЛок. Мы же списываем и реализуем технику. Не задаром, я куплю как все.

Лаптев *(рассмеялся).* Виктор, решим твой вопрос. «Беларуси» нет. Последний недавно продали. А ЗИЛ-130, почти новый, сорок тысяч всего наездил, есть. Спишем его, оценим остаточную стоимость, ну, положим, в триста рублей. Плати в кассу, получай машину и владей.

Воронин. А цена-то не слишком мала? Никто не придерется?

Лаптев. Продадим тебе как ветерану, уходящему на пенсию. Ты же помнишь, что в приказе по министерству говорилось: ветеранам оказывать максимальное содействие. Все нормально, не беспокойся. А потом – это же моя ответственность. Помогаю тем, кого уважаю. Так вот.

Воронин *(прочувствованно).* Спасибо, Василий Семенович.

Лаптев *(твердым голосом).* Решили главное, а теперь давай обговорим детали. Ты пишешь два заявления: одно – об увольнении в связи с выходом на пенсию, дату его обговори с Лилией, другое – с просьбой продать машину. Это заявление с моей резолюцией храни у себя – спокойней будет. *(Лаптев встал, давая понять, что разговор закончен.)* Желаю успеха. Постой, а ты каким делом хочешь заниматься? Не с нами ли решил конкурировать?

Воронин. Дом в деревне купил. Буду крестьянствовать.

Лаптев. Слушай-ка, трубы у нас есть неликвидные, толстостенные, трехдюймовые. Цена левая. Пару тонн наберется. Оформляй – отличные столбы на забор, сто лет простоят. Ну, будь здоров.

Воронин вышел из кабинета. Лаптев облегченно вздохнул.

Занавес

Картина 4

Кабинет Воронина. Воронин разбирает бумаги, дверцы шкафа открыты, на столе – стопки папок. Входит Ашот Карапетян.

Ашот. Здравствуй, Виктор Петрович! Уходишь от нас?

Воронин. Здравствуй, Ашот, садись. Ты уж все знаешь.

Ашот. Знаю, даром, что ли, меня зовут Ашот, который все знает.

Воронин. Да, Ашот, ухожу на пенсию.

Ашот. А не ошибаешься? Жалеть не будешь? Ты же молодой еще.

Воронин. Жалеть? Может быть, и буду. Ведь всю жизнь в тресте проработал. Но решение принято, назад ходу нет.

Ашот. Виктор, а ведь ты один смог бы остановить этот грабеж в тресте. Все так считают. Кроме тебя некому.

Воронин. Ох, Ашот. Думал я, много думал. Ну, прикинь: воровство я бы прекратил. После этого всю команду во главе с Семенychем в прокуратуру надо сдавать. Верно?

Ашот. Верно, Витя. А дальше бы ты работал, руководил бы по справедливости, как всегда. Тебя же знают, уважают.

Воронин. И боятся.

Ашот. И боятся, это так. Но кто боится? Бездельники, хапуги.

Воронин. Ашот, ну как работать по справедливости, если вся эта затея Ельцина, Гайдара, Чубайса изначально несправедлива?

Ашот. С тобой меньше было бы несправедливостей.

Воронин. Вот именно – меньше. Давай прикинем: стал я генеральным директором ОАО, ЗАО или ТОО, черт их разберет, какая между ними разница? И что дальше делать? Зарабатывать деньги, выполнять любую работу, лишь бы прибыль была побольше.

Ашот. Ну и правильно.

Воронин. Чего же правильного? Честно работать не получится. Я уже в этом убедился. Значит, охмурять надо тех, с кем имеешь дело, или они тебя охмурят. *(Побледнел, схватился за сердце.)*

Ашот. Что, сердце? Попей водички.

Воронин. Да я уже научился, приспособился – валидол сосу. *(Сунул таблетку в рот.)* Ну так вот, придется делиться с милицией, пожарниками, СЭС, прокуратурой. И администрация города деньги у нас будет тянуть. И где здесь останется место для справедливости, о которой ты говоришь? Где? И чем я буду отличаться от Василия Семеновича? Чем? В результате буду такой же, как и он, ну, может, немного посправедливее. А что такое «немного» и кто оценит? Не для меня это, Ашот. Противно мне это.

Ашот. Да, ты, наверное, прав.

Воронин. Ашот, я всю жизнь занимался производством. Мне ставили задачи, давали ресурсы, указывали сроки. Все было понятно, ясно, я работал на государство. И ты ведь знаешь, трудно было всегда. Но я был счастлив. Да, счастлив. Мне есть, что вспомнить, есть чем гордиться.

Ашот. Ну, Виктор Петрович, я пойду.

Воронин. Через полчаса зайди, народ наш соберется. Проводы вроде бы.

Ашот. Спасибо, зайду. *(Уходит. В дверях встречается с начальником снабжения треста.)*

Снабженец. Виктор Петрович, вот бумаги вам на подпись.

Воронин. Какие?

Снабженец. Акт на списание труб и ваше заявление с просьбой продать их. Надо подписать их. *(Кладет на стол бумаги.)*

Воронин *(читает бумаги)*. Слушай, что за ахиною ты тут понаписал? Какая-то автомашина проломила стенку склада, разбила сорок аккумуляторов, и они электролитом залили трубы. И все это надо списать. Что за вранье?

Снабженец *(нагло)*. Вранье. А без вранья трубы стоят в двадцать раз дороже. Решайте.

Воронин *(сжал челюсти, помедлил, вздохнул и подписал)*. Ладно.

Снабженец. Деньги внесите в кассу. Документы я туда передам.

Воронин сидит молча, глядя в одну точку. По одному входят сотрудники. Винокуров, начальник производственного отдела, несет две большие сумки с продуктами.

Винокуров. Виктор Петрович, все купил, как вы заказывали.

Воронин. Спасибо, выкладывай на стол.

На столе появились водка, хлеб, сало, зелень, помидоры, огурцы. Собралось восемь человек. Молча расселись, глядят на Воронина.

Воронин *(наигранно-весело)*. Ну-ка, плесните немного в стаканы-то.

Разлили водку. Воронин встал, поднял свой стакан.

Воронин. Ну, так вот, мужики, собрал я вас, чтобы сказать: на пенсию иду, на заслуженный отдых. По новому постановлению, оказывается, льготу северную могу использовать. Дом в деревне купил. Буду заниматься сельским хозяйством, крестьянствовать. Выделили мне по льготной цене трубы *(крякнул)* и ЗИЛ-130. За машиной еду завтра в Мурманск. Приеду – распрощаемся официально. Банкет обещаю. Решение окончательное. Вопросы есть?

Трое присутствующих *(одновременно)*. Есть.

Воронин. Тогда выпьем, закусим, и, что интересует, расскажу. *(Через минуту-другую.)* Ну, так спрашивайте.

Отодвинул папки на край стола, не рассчитал, и они упали на пол. Наклонился, поднял, лицо – свекольно-красное.

Винокуров. Виктор Петрович, а кем вы будете? Бедняком? Средняком? Кулаком?

Воронин. Чего-то ты ерунду какую-то несешь. Как это понять?

Винокуров. Понять просто. Кулаком – это значит использовать наемный труд, работников эксплуатировать. Средняком – самому хорошо работать, эффективно. Ну а бедняки – это, в основном, неудачники, пьяницы, еле себя кормят.

Большинство засмеялось, Воронин тоже хохотнул.

Воронин. Шутник ты, Винокуров. А резон в вопросе есть. Кулаком точно не буду. Лодырем не был никогда. Так что и бедняком не буду. Значит – середняком. Согласен?

Винокуров. Согласен-то я согласен. Но на земле работать – ох как нелегко с непривычки-то. Я приеду к теще в деревню, прополю ей грядку в огороде – или на карачках ползаю, или согнувшись кверху задом, как вы бумаги сейчас поднимали, а потом поясница разламывается. Или картошку окучивать: жара, оводы жрут, весь в поту, помашешь тяпкой часа два и думаешь: пропади все пропадом, да лучше я эту картошку есть не буду!

Воронин. Чтоб ты знал, Винокуров, закалка у меня сельская с детства. Что еще хотели спросить?

Один из присутствующих *(пожилой человек)*. Получается, Виктор Петрович, на собрании вы не будете?

Воронин *(потупившись и глядя в сторону)*. Не успеваю я на собрание, да и что толку от меня, если увольняюсь? *(Вздохнул.)* И не к чему это обсуждать. Все решено окончательно.

Помолчали. Разлили остаток водки по стаканам.

Один из присутствующих. Желаем вам, Виктор Петрович, здоровья, успехов в вашем деле, чтобы у вас все росло и цвело и урожаи были выше крыши.

Сдержанно посмеялись, чокнулись.

Воронин. Подождите меня выпроваживать. Говорил же вам, приеду – прощальный банкет устрою.

Все как-то разом засобирались.

Присутствующие (*вразнобой*).

Мне в магазин надо.

Меня жена ждет.

За ребенком в детсад, опаздывать нельзя.

В командировку собираться надо.

Все по одному уходят. Остался один Винокуров. Собирает посуду, остатки еды.

Винокуров. Послушайте, Виктор Петрович, а зачем вам грузовик? Что вы с ним делать-то будете, он же работать должен?

Воронин. Ох, Винокуров, пристал ты ко мне сегодня. Да будет он работать. Права у меня профессиональные. Езжу, ты знаешь, неплохо. А что делать машине? Да на селе ей работы невпроворот – возить сено, дрова, стройматериалы. (*С раздражением.*) Понятно?

Винокуров (*усмехнулся*). Понятно, Виктор Петрович (*подал руку Воронину*).

Воронин (*пожал ее, задержал в своей руке*). Обиделся что ли?

Винокуров. Да нет, не обиделся. Глупость делаете, Виктор Петрович, ошибаетесь.

Воронин. А, ладно, хватит мне настроение портить, и без тебя тошно.

Винокуров уходит. Воронин сел за стол, обхватил голову руками. Задумался.

Занавес

Действие второе

Картина 1

Рубленый, слегка покосившийся дом в деревне, старый яблоневый сад. Штабель досок, кучка уложенного кирпича, забор – жерди по столбам из металлических труб. Под навесом стоит ЗИЛ-130. Лето, окна в доме открыты, слышно, как работает телевизор. Его перекрывает крик Воронина, хорошо слышимый из окна.

Воронин. Что ты болтаешь? Ты же все врешь! Рябов, замдиректора техникума, – заместитель председателя правительства?! Да вы что – охренели? Норильск приватизировать?! И Потанин, какой-то сопляк, комсомолец, – его хозяин! Да вы знаете хоть, как строили этот комбинат?

На крыльцо выскакивает Воронин, всклокоченные волосы, злой.

Таисия. Витя, ты подумай, ну зачем ты шумишь на телевизор-то? Толку что от этого? Они ведь тебя не слышат!

Воронин (*успокаиваясь, буркнул*). Разряжаюсь!

Сели у крыльца на скамейку.

Воронин (*уже спокойно*). Ты права – ничего ведь не сделаешь! А что вытворяют – невозможно терпеть. И в газетах – одно вранье. Вот в городе вчера купил «Аргументы и факты». Какой-то сопляк пишет о железной дороге от Салехарда до Игарки. И почти все врет. Бывал я там, все видел своими глазами. Так вот, этот обормот пишет, что длина ее восемьсот километров, на самом деле – тысяча триста. Сделали ее, дескать, наполовину – и бросили. И опять врет – готовность ее была больше восьмидесяти процентов. И еще сочиняет, что эта дорога – сумасбродство Сталина. Ничего не соображает: да эта дорога нужнее БАМа!

Таисия. Витюша, успокойся. Прав ты, наверное. Не волнуйся, опять сердце прихватит.

Воронин. Да я спокоен. Славе вчера позвонил. Вот техника стала: набрал номер по мобильному, и пожалуйста – отвечает. Узнал меня по голосу.

Таисия. Это молодой парень, корреспондент, что ли?

Воронин. Уже не молодой. Стал спецкором «Известий» – серьезный человек. Учил я его когда-то. Много он со мной по стране поездил. В промышленности, строительстве совсем не разбирался – вот я его натаскивал. Говорю ему про эту статью, думал, как раньше, расскажу ему, а он уже эту тему раскрутит. И что ты думаешь, он мне ответил?

Таисия. Не знаю.

Воронин. Сказал, напиши статью, что-то вроде опровержения. Я, говорит, точно ее опубликую.

Таисия. Прав он, наверное.

Воронин. И ты туда же. Да буду я со всякими обормотами пикироваться! Пошли они все подальше! Так ему и выложил.

Таисия. А Слава что?

Воронин. Что, что? Обидел он меня. Если так, говорит, то зачем время у меня отнимаешь, считаешь, что делать мне нечего? И отключился.

Таисия. Ну, не волнуйся. Люди разные, да не такие уж вы с ним и друзья.

Воронин. А я считал, что друзья. Когда работал, многие со мной дружили.

Таисия. Жизнь-то меняется. Ты ведь уже девятый год не работаешь.

Воронин. Жизнь меняется, это точно. Да еще как меняется. Вчера встретил в городе Бондарева. Ты его не знаешь. В Иркутской области был секретарь райкома партии. Мы там комбинат строили. До чего же ловкий был он мужик! Представляешь, на бюро обкома за кол-

лективную пьянку хотели его с работы снять и из партии исключить. Так он так все вывернул, вспомнил, что с первым секретарем когда-то в молодости выпивал. Здорово рисковал, конечно, но в результате закончилось все обсуждением. Пожалели его.

Таисия. Ну и зачем он тебе? Забудь, мало у нас сейчас своих забот?

Воронин. Ты не поверишь – такое превращение. Оказывается, он отсюда родом. В районном центре – бизнесмен номер один. Магазины – его, мебельная фабрика, оказывается, тоже его. Показал снаружи свой дом – ну прямо дворец. Я рассказал про свои дела. Мне хвататься-то нечем. Говорит – помогу. Да зачем мне его помощь?

Таисия. А стоит ли отказываться, если человек помощь предлагает?

Воронин. Хотел приехать сегодня. Да, я думаю, говорил так, из вежливости. Мы ведь с ним друзьями не были, чего ему ко мне ехать?

Таисия. А мне так кажется, приедет.

Воронин. Приедет – чаю попьем.

Таисия. Давай-ка мы с тобой сами почаевничаем.

Встали со скамейки. В это время у ворот резко затормозил большой черный джип.

Воронин. Ну Таисия, ну ведьма, как говоришь, так все и случается. Это ведь машина Бондарева.

Пошел к калитке. Навстречу – Бондарев, элегантно одетый, в руках кейс.

Бондарев. Здравствуйте, Виктор Петрович!

Воронин. Здравствуйте, Александр Иванович! Вот уж не думал, что заедете. Считал: поговорили и забыли. Заходите, знакомьтесь – моя жена, Таисия Владимировна.

Таисия. Можно просто Тая.

Бондарев (*слегка кланяется*). Александр Иванович, можно просто Саша. Очень приятно, извините, что внезапно нагрнулся. Мимо ехал, у меня тут ферма небольшая. А это вам (*достает из кейса большую коробку конфет*).

Таисия. Спасибо, вот мы сейчас с ними чаю и попьем. Пойду приготовлю.

Бондарев. Ну, Виктор Петрович, покажите свою фазенду.

Воронин. Показывать почти нечего. Живем потихоньку. У меня принцип – делать все самому. Дом подремонтировал, курятник сделал, навес для машин.

Бондарев. Это за восемь лет? Да за эти годы можно было такой дом отгрохать!

Воронин (*как бы извиняясь*). Текущих дел много: огород, сад, поросенка завели, картошку выращиваем. Дел полно.

Бондарев. Как ЗИЛ-то, хорошо бегаёт? О, да у него и номеров нет?

Воронин. Регистрировать его надо по месту жительства в Москве, а там в ГАИ такие очереди, такая маята... В общем, номера-то не очень и нужны. Машина отличная, ездил я по округе несколько раз: дрова возил, доски, кирпич. Я же говорил вчера – продать хочу машину. (*С гордостью, солидно.*) Сын рынок изучил, стоит она сейчас двадцать тысяч долларов.

Бондарев внимательно оглядел машину.

Бондарев. Участок у вас хороший, и сад, и огород – как на картинке. Молодцы.

Воронин. Таина заслуга. А у меня последнее время сердце что-то сдает.

Бондарев. Ясно, годы не молодые, беречь себя надо.

Таисия. Александр Иванович, прошу к столу. Сядем под яблоней.

Бондарев. Красотища!

Садятся за стол. Таисия разливает чай. Бондарев отхлебнул из чашки.

Бондарев. Вот это чай! Аромат бесподобный. Что за сорт?

Воронин. Тая делает.

Таисия. Делаю-то я, а научил меня Виктор. У него это – семейный секрет.

Воронин. Да, мать научила. Трав чуть ли не три десятка.

Пьют чай. Вдалеке раздаётся колокольный звон. Бондарев встал и трижды перекрестился по направлению звука.

Воронин (*изумленный*). Александр Иванович, да вы же атеист. Помните, как мы с вами комсомольцев шерстили за то, что в церкви венчались?

Бондарев. Помню, все помню. Но сейчас другое время. По телевизору, небось, не раз видели: Ельцин и все руководство верующими стали. На главные православные праздники в церковь ходят. Электорат свой увеличивают (*поднял палец кверху*).

Воронин. Ельцин, когда был первым в Свердловске, двух работников из нашего стройуправления из партии исключил. И за что – детей окрестили!

Бондарев (*сглаживая ситуацию, обращаясь к Таисии*). Мы ведь с Виктором Петровичем давние товарищи. Вместе когда-то такой комбинат построили, заглядене. А, кстати, что это мы все по отчеству, да на вы? Давайте по-простому, по-дружески... Не против?

Воронин и Таисия (*почти хором*). Конечно!

Бондарев. Так вот, друзья, хочу вам помочь: машину могу купить.

Воронин. Как-то неожиданно это.

Бондарев. Виктор, время такое, надо решения принимать быстро, да что быстро – мгновенно.

Воронин. Саша, неудобно мне тебе-то продавать. Как-то не с руки.

Бондарев. А чего неудобного? Я, если надо, и родной жене товар продаю.

Таисия. Виктор, ты слушай Сашу, он же опытный человек.

Воронин. Дело в цене.

Бондарев. Это верно, дело в цене.

Воронин (*вошел в роль бизнесмена*). Саша, бери ее за восемнадцать тысяч, свои мы люди, зачем нам с тобой торговаться. Ну как, согласен?

Бондарев (*потеребил себя за кончик носа, посмотрел на Виктора насмешиливо-ласково*). Ох, Витя, чудак же ты. Торговаться – надо, и деньги считать – надо. Цена этой машины, если привести ее порядок, пятнадцать тысяч, не больше.

Воронин. Саша, да ты что, она почти новая, прошла всего сорок пять тысяч.

Бондарев. Вот послушай меня: купил ты ее почти девять лет назад, был ей тогда год, итого – десять лет. Это прилично. У тебя она, практически, стояла, значит, старела быстрее, чем работающая. Верно? Сейчас нужно менять все шланги, все ремни, все жидкости, аккумулятор наверняка сдох: максимальный срок его – пять-шесть лет. Покрышки все в волосяных трещинах – зимой рассыплется. Двигатель надо регулировать. Это денег стоит немаленьких. Да и регистрировать ее надо. Задаром не получится. Налоги еще придется платить. Короче – все это я могу сделать тысяч за пять, а потом за пятнадцать найду покупателя. Машина, Витя, мне не нужна, тебе хочу помочь.

Воронин. Спасибо, Саша. Надо подумать.

Таисия. Вить, позвони Игорю, посоветуйся.

Воронин. А что, действительно, можно позвонить. (*Повеселел, обращаясь к Бондареву.*) Пойду, сыну позвоню, у нас тут хорошая связь (*усмехнулся*) у столба ЛЭП. (*Уходит.*)

Таисия. Саша, спасибо тебе, давай уговорим его. Машина-то нам не нужна. Есть «Нива», что привезти по мелочи – на ней можно. А деньги будут – найдем бригаду и все доделаем. Ты прямо как ангел с неба.

Возвращается Воронин, радостный и улыбающийся.

Воронин. Игорь говорит, что резон есть. Только велел деньги сразу в банк положить.

Бондарев. Сын, видно, у вас толковый.

Таисия (*с гордостью*). В банке работает. Если что, Саша, может он тебе в чем-то и поможет.

Бондарев. Спасибо, учту. Ну так что, решаем?

Воронин (*сдерживая радость*). Саша, готов делать, что скажешь.

Бондарев. Что скажу? Вот тебе бланк расписки, заполни его. Напиши, что получил от меня десять тысяч долларов США за ЗИЛ-130. Не торопись, а то напутаешь чего-нибудь. Не обессудь, такой уж порядок.

Воронин. Ясное дело, порядок есть порядок. (*Садится писать, надел очки.*)

Таисия. Надо же, так все сразу.

Бондарев. А чего тянуть? Правильно ведь говорят, время – деньги. (*Достает толстую пачку долларов и начинает быстро считать. Передает деньги Таисии.*) Таисия Владимировна, получайте – ровно десять тысяч.

Таисия взяла деньги, не знает, что с ними делать.

Бондарев. Посчитать надо обязательно.

Таисия (*немного смущенно*). Наверное, надо (*пересчитывает деньги на столе*). Все правильно.

Воронин. Саша, проверь. (*Протягивает ему расписку. Тот бегло просматривает ее.*)

Бондарев. Вроде бы все верно. Ну, дорогие Воронины, поеду я, дела, никуда не денешься. Завтра пришлю человека, подпишите ему генеральную доверенность, он машину перегонит в гараж. Ну, до встречи, еще свидимся.

Идет к калитке, Воронины его провожают. От свалившейся удачи еще не пришли в себя. У машины Воронин и Бондарев прощаются за руку. Бондарев из машины махнул рукой и уехал. Воронины возвращаются к столу. Садятся. Какое-то время молчат.

Воронин. Покажи-ка деньги.

Таисия передает ему пачку. Он подержал, положил в пакет.

Таисия. Вот настоящий друг. А ты про него говорил...

Воронин. Сам своим глазам не верю, какое-то чудесное превращение. И не в деньгах дело: чуть больше или чуть меньше, велика ли разница? Приятно, да и удивительно, что человеком он оказался порядочным.

Таисия. Надо с ним дружить. А то ведь что у нас здесь за знакомые – полуграмотные мужики да бабы. Знаешь, Витя, надо пригласить его с женой в гости.

Воронин. Верно. Вот поеду в город, деньги положу в банк, зайду в его офис и приглашу. Обязательно приглашу.

Занавес

Картина 2

Кабинет Бондарева, просторный, современный. В приемной, в коридоре – ремонт. За приставным столом сидят Бондарев и Алексей Алексеевич, глава районной администрации.

Бондарев. Спасибо тебе, Алексей Алексеевич. Освободил ты меня от местных налогов. Это – большая помощь. Помогу и я тебе: дам машину бруса. Отличный материал, из Архангельска, сосна. Ты ведь строишься, вот и пригодится.

Алексей Алексеевич. За это спасибо.

Бондарев. Давай выпьем за наши успехи.

Наливают, чокаются.

Бондарев. Но успехи-то наши могут кончиться, Алексей.

Алексей Алексеевич. Как понять?

Бондарев. Как понять, как будто сам не знаешь. Выборы на носу, а ты чем занялся? Судья, конечно, баба хорошая, и фигуристая, и лицом красивая, да и для дела пригодится, сам бы не отказался. Но, понимаешь, – не время. Район небольшой, вы с ней у всех на виду.

Потеряешь избирателей. Я тут поручил своим, они втихаря небольшое исследование провели. Женщины против тебя – говорят, что за этого кобеля голосовать не будут и своим мужьям не позволят.

Алексей Алексеевич. Александр Иванович, ты прав, но не совсем. Сейчас не советские времена и мой моральный облик – это мое дело. Какой есть, таким пускай и принимают, и нечего трястись как раньше, боясь парткома. Плевал я на все эти бабьи мнения. До выборов еще три месяца. Вот погоди, скоро откроем детский сад, филиал московской швейной фабрики готов, а это – сто работающих. Еще что-нибудь сотворим, и бабы не только замолчат, а еще и за меня агитировать будут. Наливай, выпьем еще. Хороший у тебя коньяк.

Бондарев. Может, ты и прав. Народ, в сущности, – быдло. Лохи и недотепы. Вот месяц назад явился ко мне один и предложил арбузы взять на продажу. Говорит, что его дочь из-под Астрахани пригнала КАМАЗ с прицепом – тонн двенадцать арбузов. Разгрузили их у него в палисаднике. Так он хотел, чтобы я их продал за пять процентов. Я ему говорю, что и за пятьдесят еще подумаю, брать ли. Так что ты думаешь – обозвал меня по-всякому и ушел. А недавно я узнал, что сгнили они у него, даже скотина жрать отказалась. Вот такие бараны.

Или еще пример. Пригласил я одного столяра. Руки золотые. Думал, налажу столярное дело, буду продавать изделия у себя в магазине. Ему предлагаю двадцать процентов от цены. Так он меня эксплуататором обозвал. Говорит, что выручку надо делить пополам. Я ему и так и сяк разъясняю: станки – мои, помещение – мое, магазин – мой, материал – мой, ты соображаешь, что ты говоришь? Да двадцать процентов – это из уважения, а по-хорошему и десять много. Ушел. Сейчас живет без работы, рассказывают, что жрать ему нечего.

Алексей Алексеевич. Да, Саша, народ такой. Испорченный. Налей еще, на работу не пойду. По полям сегодня проеду. Заодно проветрюсь.

Выпили еще. Посидели, помолчали, закусывали.

Бондарев. Ты знаешь, Алексей, воруют у меня все, кто только может. И ведь ни хрена не сделаешь. Давай еще тяпнем. Я завелся что-то. Но ничего – прорвемся, победим.

Опять выпили. Закусывают молча. К офису подъезжает Воронин на «Ниве». Останавливается недалеко.

Воронин (обращаясь к рабочим, ремонтирующим фасад). Ребята, Александр Иванович на месте?

Рабочие. У себя, на месте. Только к нему начальство приехало.

Воронин. Какое начальство?

Рабочие. Глава администрации.

Воронин. Ну что ж, подожду. Торопиться мне некуда.

Прошел, сел в приемной. Услышал голоса. Они раздавались из-за неплотно прикрытой двери.

Алексей Алексеевич. Победим, Саша. Куда мы денемся? Надо только держаться друг за друга.

Бондарев. А тут не так давно Мишка ко мне зашел. Ты его, наверное, знаешь – смотрящий. Тринадцать лет отсидел за убийство. Серьезный человек. Я ему кое в чем помогаю. Спрашивает меня: «Иваныч, а ты Чеченца обидел чем-то?» Чеченец – это кличка. А так-то он русский. Говорит, жил в Грозном, и в его квартиру в самом начале войны попал снаряд. Уехал. Черти его занесли к нам. Ко мне на работу попросился. Я его взял, поселил, накормил. И вот за все это, ты только представь, он Мишке говорит: «Давай его, то есть меня, ошкурим. У него доллары есть». Не знал он, сволочь, что мы с Мишкой в доверии, я же это не афиширую. Рассказал я Мишке все как есть. Он говорит: «Согласись – и мы его зароем. Никто никогда не найдет». Нет, говорю, пришли его ко мне, я с ним потолкую.

Алексей Алексеевич. Ну и как поговорили?

Бондарев. Хорошо поговорили. Сели в кафе. Спрашиваю его: «Ты говорил это?» И все дословно, как Миша, пересказал. Вертеться он не стал. Побледнел и сознался: «Говорил». Но, дескать, только чтобы попугать. Ну, я не стал разводить антимионию. Спокойно ему пояснил: «Имей в виду, если что-нибудь случится со мной или с моими родственниками, тебя не убьют, нет – тебя будут рвать по кускам, пока не сдохнешь. Понятно?». Он ответил, что очень понятно. И еще ему сказал, чтобы мне больше на глаза не попадался. Вот с тех пор я его и не вижу.

Алексей Алексеевич. Суровый ты, Саша, но по-другому нельзя: народ такой сволочной, не люди, а мусор. Если честно, то Мишку-то я сам давно знаю. Он мне на прошлых выборах помог: двое после беседы с ним свои кандидатуры сняли. И сейчас поможет. Так-то вот. Ну, наливай еще.

Опять выпили. Воронин сидел оцепенело. А из-за двери продолжали слышаться пьяные голоса.

Бондарев. И вот еще что, Алексей. Друг у меня новый появился. Встречались мы с ним еще в той, советской жизни. Большой начальник был. Заместитель управляющего в союзном тресте – «Спецстрой». Работать меня учил. Сейчас здесь живет, недалеко, в деревне. На пенсии. Научил, как видишь: теперь кто он и кто я? Ты веришь, за всю жизнь заработал он на кооперативную квартиру в хрущевке. Вот такой деятель. Говорит, многим помогал. Помощник хренов за чужой счет. Государственным добром распоряжаться – герой какой. Ты свое займай и попробуй дай. Посмотрю я на тебя. (*Голос хриплый, злой.*) А ты знаешь, у меня тринадцать организаций твоих кормятся. Всех в тетрадку записываю, вот в эту. (*Постучал рукой по тетради.*) Приходят, кланчат. И женсовет, и ветераны, и спортсмены, и инвалиды, и всем ведь пока даю. Дармоеды чертовы. Надоели.

Алексей Алексеевич. Ладно, Саша, не горячись, полегче. Это тоже надо делать. Не очень-то ты и щедрый. Дашь на копейки, придуриваешься, что сам бедный, убыточный. Мне же рассказывают.

Бондарев. Так вот этот друг вместо того, чтобы приватизацией треста заниматься, а захотел бы – миллионы долларов бы имел, ухватил по дешевке ЗИЛ-130. Но даже этой машиной распорядиться не сумел. За девять лет на учет не поставил. Меня просил. Я все сделал и с ним рассчитался. Теперь она моя. Ты дай команду Васе Панкратову, директору автобазы, чтобы купил ее за двадцать пять тысяч баксов. Документы я подготовил. Васе даю тысячу – так ему и скажи. Тебе – тоже тысячу. Машину немного доработать надо, на своем предприятии он это и делает, а, в общем-то, она в хорошем состоянии. Этот чудик следил за ней. Ну что, по рукам?

Воронин с трудом встал на ноги.

Воронин (*еле слышно*). Негодяи! Уйти отсюда, немедленно уйти. (*Пошел к выходу, держась за стенку.*)

Рабочие (*негромко, в сторону*). Надрался, свинья.

Воронин остановился на крыльце, под навесом. Схватился за сердце.

Воронин. Дойти до машины, дойти! Ой, как больно!

Быстро прошел, качаясь, по прямой к «Ниве». Сел, завел мотор и рванул с места. В кабинете Бондарева Алексей Алексеевич и Бондарев обнимаются, клянутся в дружбе. За стеной слышен шум подъезжающего грузовика.

Водитель грузовика, подходя к рабочим (*громко*). Это от вас тут мужик на «Ниве» выехал?

Рабочие. От нас. Пьяный в стельку.

Водитель самосвала. Машину разбил. Вдребезги. Говорят, уже мертвый ехал.

Занавес

2015–2018

II. Повесть. Хорошо в деревне летом...

Едешь из Москвы по Киевскому шоссе и в районе авиапорта «Внуково» по левую сторону есть указатель «Мешково». Там я не был, но предполагаю, что это городская деревня. Уж очень близко она от Москвы, и живут в ней скорее всего те, кто в Москве и работает.

А если следовать дальше и свернуть с Киевского шоссе на сотом километре по направлению на Малоярославец и двигаться дальше на Медынь, а от нее к небольшому поселку Гусево, а потом налево километра три-четыре, то попадешь в Мешково – деревню, которую городской уж никак не назовешь. От Московской кольцевой автомобильной дороги на спидометре будет 150 километров. Это уже Калужская область – место, которое писатели и журналисты любят называть глубинкой. Мешково стоит на безымянном ручье, впадающем в речку Шаню, а она – в Угру, Угра – в Оку, ну, а Ока, все знают, вливается в Волгу. Невдалеке от Мешково у самой реки Шани две деревни: Прокшино и Гребенкино. Выяснить происхождение названий этих трех деревень руки не дошли.

Довелось как-то взглянуть на подробные карты Московской, Владимирской и других центральных российских областей и с удивлением обнаружил, что деревень и сел с названием Мешково не так и мало: три нашел сразу, не напрягаясь. И опять укорил себя, что не выяснил, откуда возникло это имя, ведь раз Мешковых много, значит, есть в них что-то типичное. общее: история, уклад жизни, местоположение.

В конце 70-х годов я возвратился в Москву из Якутии, где проработал почти два десятка лет и впитал в себя сибирское восприятие жизни. Огромные необозримые просторы, когда 100 километров – не расстояние, 30 градусов – не мороз даже, а как бы отдых от настоящих морозов, которые в Сибири бывают и за 50, и за 60 градусов. Почти первобытная охота на непуганых животных, рыбалка, когда рыбу, фактически, и не ловят, а черпают из реки неводом или бреднем или просто выбирают из сети, а бывает – и голыми руками из лужиц, образовавшихся от пересыхающих летом многочисленных ручьев. Все это, конечно, наложило отпечаток на характер, сформировало привычки, потребности подчас уж очень непохожие на московские.

Когда в семье встал вопрос об обзаведении дачным участком, поневоле пришлось столкнуться с московской действительностью. Горожане, оказывается, по несколько лет стояли в очереди в своих предприятиях для получения восьми или шести соток земли, расположенных на расстоянии до 100 км и больше от Москвы. Случайно узнал, что, оказывается, есть участки и по четыре сотки. Не хотелось в это верить, пока сам не убедился. Увидел это под Калугой, где земли – немерено. Как-то в выходной день был в той местности, где только что нарезали эти квадратики двадцать на двадцать метров, называемые садовыми участками, и люди приступили к их освоению. На каждом кусочке земли – небольшой домик и туалет, грядки, плодовые кусты и деревья. Была солнечная погода, и с небольшого бугорка была хорошо видна вся панорама – на нескольких гектарах трудились сотни людей, и большинство в одинаковой позе – согнувшись пополам. Грустно стало от созерцания этой картины.

Твердо решил: никаких дач или садовых домиков у нашей семьи не будет. Дом в деревне, и чтоб земли было столько, сколько нужно, и чтоб лес, водоем какой-нибудь и обязательно тишина – вот это и буду искать. Нашел сравнительно быстро: знакомый подсказал, что в деревне Мешково продается старенький рубленый дом. Все условия подошли, и быстро, не торгуясь и практически не глядя, приобрели этот дом за 1300 рублей. (В то время «Жигули» стоили примерно 6000 рублей.) Хозяева в доме давно не жили и были очень довольны, что продали его, ведь еще год-два и дом развалился бы и продавать тогда стало бы нечего. Директор местного совхоза своей властью отписал десять соток земли, пояснив, что больше дать не имеет право, а использовать можно гораздо больше – хоть пятьдесят.

В те годы человек мог иметь только одно место жительства: или государственную квартиру, или собственный дом, где гражданин и должен быть прописан. Люди исхитрялись и оформляли владения по-разному: через дарственные, через наследование. Обычно это проходило гладко, но случалось сталкиваться и с обманщиками. Встречались хозяева-прохиндеи: оформят бумаги, получают деньги, а через некоторое время передумают – отзовут дарственную или переписут завещание на другого человека. Но к тому времени новый собственник мог уже хорошо вложиться в приобретенное имущество.

Зная о подобных «фокусах», решил твердо: никаких завещаний и дарственных, дом оформляю по купчей. В сельсовете немного попротестовали, но найти запрещающие документы не смогли. Да их, вероятно, и не существовало. Запрет был не юридический, а идеологический, соответствующий концепции, что буржуазные замашки граждан власть поощрять не должна. Оказалось, что в то время подобных случаев приобретения дома в Калужской области не было. И за это нарушение председатель районного исполкома впоследствии имел серьезные неприятности.

Вот так я стал владельцем дома и участка в этой деревне. Поскольку мы с женой работали, а двое детей учились – один в школе, другой – в институте, – то приезжали семьей в Мешково только в выходные дни и в отпуск. А это значит, что все хозяйство оставалось безнадзорным в теплый период пять дней в неделю, а в холода – по меньшей мере, полгода. Было постоянное опасение, что разворуют наше добро. Поэтому, с одной стороны, не торопились тратиться, делали только самое необходимое, а с другой – стремились получше познакомиться с жителями деревни, стать для них полезными, чтобы они присматривали за нашим хозяйством. Старались, как могли, оказывать соседям разные услуги, терпели иногда их выкрутасы. Потихоньку перезнакомились, как-то притерлись и стали почти своими.

Мешково, как многие среднерусские деревни, жалась к воде. Дома стояли по сторонам оврага, по дну которого протекал безымянный ручей. В половодье он становился маленькой бурливой речкой, летом снова входил в свои берега, неся холодные (видимо, ключевые) воды в реку Шаню, чистую, не оскверненную никакими производствами.

До войны в деревне стояло не меньше пятидесяти домов, молодежь ходила «на круг», танцевали под гармонь и патефон, пели песни. Немцы в войну оставили свой след: здесь квартировала какая-то пехотная часть, скорее всего – рота. Убегали быстро и внезапно, сжечь ничего не успели, но многие дворы разорили, разобрав строения на дрова. В коллективизацию создали небольшой колхоз, а после войны из нескольких колхозов сделали один совхоз – «Петровский», контора которого размещалась в Гусево. Хозяйство работало рентабельно, регулярно платило неплохую зарплату, кроме того, по себестоимости, а значит, задешево, продавало работникам продукты: мясо, молоко, зерно. Застали мы в совхозе огромные свинарники и немалое стадо коров. В полях выращивали картофель, свеклу, рожь и овес. В общем, совхоз как совхоз.

Перестройку начали с того, что ликвидировали все свинарники – основу своего благополучия. А дальше уже быстро покатались по дороге обнищания. Молодые уезжали в города, старики тихо доживали свой век: типичная картина для средней полосы России. Ко времени нашего укоренения в этой деревне осталось там 17 домов. Располагались они по обе стороны оврага: 12 – на пологом, нашем склоне, и 5 – на противоположном, крутом. С самолета виделось это, очевидно, как шамкающий рот старого человека, лишившегося многих зубов. Где 5 домов – верхняя челюсть, а где 12 – нижняя. Вверху промежутки между домами были немалые, а когда-то, судя по остаткам фундаментов, дома очень плотно стояли друг и другу. Потерь зубов-домов в нижней челюсти, на пологом склоне, было поменьше – никак не больше трех-четырёх. Эта часть деревни жила активной жизнью, да и воспринималась всеми (в том числе властями и посторонними) именно как сама деревня, а те строения, что стояли на другой стороне – это как бы несущественное приложение к ней.

Фактически так оно и было. Из пяти домов, что стояли на высоком берегу ручья, три пустовали. В одном, маленьком, неказистом, собранном из щитов, жила Раиса, сестра нашего соседа Володьки, крикливая одинокая женщина лет пятидесяти. Вдруг объявили, что она умерла, покончила с собой – повесилась. Причина самоубийства не выяснялась, следствия никакого не было, тихо и незаметно похоронили ее и забыли. Ни разу впоследствии не слышал, чтобы кто-либо о ней вспоминал.

Известно было, что хозяин одного заброшенного дома – местный мужик. Все звали его Толян. Жил он в Прокшине и в Мешково иногда навещался. Говорил, что хочет сдать дом дачникам. Но проходили годы, а дачники что-то не появлялись. Один дом приобрел москвич, бизнесмен средней руки. Не торопясь приводил хозяйство в порядок. Но бывал там редко, только летом, да и то не каждую неделю. Жизнь теплилась в двух домах. В одном жили деревенские пенсионеры – муж с женой, в другом – тоже семья: лесник, его жена и взрослая дочь.

Почти все обитатели деревни старались с нами, москвичами, познакомиться. Кто-то скромно приходил и чинно представлялся, предлагая свою помощь. А иные, идя мимо, здоровались и называли себя, сообщая, где они живут. Именно так познакомился я с лесником. Делал я какую-то работу за оградой, на задворках. Шел мимо и вдруг свернул в мою сторону маленький сухонький мужичок средних лет. Чернявый, без признаков седины, в форменном потертом кителе, в руках – фуражка. Видно было, что он работник какой-то лесной службы. Поздоровался, спросил, что, дескать, поселились у нас? «Да, – говорю, – летом будем жить, а зимой – в городе, в Москве». – «Ага, понятно, – протянул руку, – Юрка». Пожал его узенькую ладонь, назвал себя по имени-отчеству. Спрашиваю: «А тебя как зовут полностью, отчество-то какое?» Махнул рукой: «Зови Юрка». Удивился, но настаивать не стал. Потом уже как-то свыкся с тем, что все в деревне звали друг друга Сашка, Генка, Колька, лишь иногда: Рая, Виктор, Паня, но никогда не обращались по отчеству. Знакомый до этого периода с деревенской жизнью в основном по классической литературе, я знал, что до революции у нас на селе было принято называть хозяина, даже совсем молодого, уважительно – по имени и отчеству. Помнил также из книжных рассказов о Ленине, что когда в Кашине Владимир Ильич знакомился с местными крестьянами, то они представлялись ему как Иван Спиридонович, Митрофан Игнатьевич и т. д., с чувством собственного достоинства и самоуважения.

Трудно понять, почему мы вдруг так помельчали и опустили себя. А ведь это замечено не только в данной деревне. Повсеместно ли такое отношение к себе у нашего народа, сказать трудно, но тенденция налицо. Это хорошо заметно на телевидении, когда какой-нибудь 30-летний ведущий обращается к пожилому профессору: «Петр, а что вы думаете по этому поводу?». И Петр, не поправляя невежду, начинает излагать свое мнение. Здесь проявляется явный американизм. Там, в Соединенных Штатах, свойственно такое обращение. Но у нас-то традиции другие.

Неуважительное отношение к себе и друг другу уже проникло в молодежную среду. Однажды я проводил занятия со студентами, будущими менеджерами. Положенного журнала учета посещений почему-то не было. Дали мне список группы, написанный от руки, а в нем увидел примерно следующее: Азаров Витя, Бочарова Таня, Васин Коля и т. д., всего 24 человека. Насмешливо спрашиваю: «Это что, группа детского сада?» Знал, конечно, что это студенты четвертого курса, заочники, значит, существенно старше обучающихся на дневном отделении. Пришлось разъяснять, что для того, чтобы добиться уважения к себе со стороны окружающих, нужно прежде самому себя уважать. И если в официальной обстановке представляться как Вася или Маша, то и отношение к тебе будет соответствующее. Это, конечно, не значит, что если назовешься Василием и Марией, то этого будет достаточно для уважения со стороны коллег, но что будет сделан первый и правильный шаг в завоевании авторитета – сомнений нет.

В деревне Мешково ни о каком американизме, конечно, не слышали и никому не подражали. Дело, видимо, в том, что люди не ощущали себя личностями, а в этом случае то, как тебя называют, большого (а может быть и никакого) значения не имело.

В конце 80-х годов довелось побывать в служебной командировке в Княжпогостском районе Карелии. В краеведческом музее узнал, что до революции там жил крестьянин-кустарь, умевший делать необыкновенные валенки: легкие, тонкие, но при этом почти не пропускающие воду. Носили их дамы императорского двора, в том числе и особы царской фамилии. Остались сведения очевидцев, что из заполненного водой валенка она начинала сочиться только через час. Вот такую он делал обувь. Немыслимо, чтобы этого человека называли Ванькой или Васькой. В музее рассказали, что судьба его оказалась трагичной. Сельчане буквально заваливали его заказами. А он все их выполнить не мог: собственный надел надо обрабатывать. Упросили его делать только валенки, а мы, дескать, тебе и вспашем, и засеем, и урожай уберем. Такой был уговор. А когда пошло раскулачивание, то шустрые и активные комбедовцы приперли его к стенке: «Применял наемный труд – это факт». Хозяйство конфисковали, а самого куда-то выслали, и след его простыл.

В Мешкове же даже отдаленно похожих специалистов не было. Я пытался узнать, а может, раньше здесь жили какие-то люди с изюминкой, что-то такое умели, что другие не могли. Да нет, говорили мне, жили все одинаково, не высывались, ковырялись в своем хозяйстве, в колхозе работали, потом в совхозе. Казалось, безликая какая-то деревня. Но, однако, каждый человек был со своим характером и блюл свои интересы.

На самом краю нашего ряда стоял небольшой неказистый домик, в котором жил одинокий старик. Питался он с огорода и получал, как говорили, небольшую пенсию. Прожил он после нашего появления в деревне недолго, года два, не больше. Тихо и незаметно помер, и так же незаметно его похоронили. Позже мы узнали, что работал он когда-то председателем здешнего колхоза, если и не первым, то одним из первых. По деревне ходил, опираясь на палку, держался прямо. Одет всегда аккуратно, хоть и бедно: брюки и пиджак, светлая рубашка, тупоносые тяжелые ботинки. Звали его Тихон. Пообщаться с ним довелось всего один раз. Подошел он однажды к нашей невысокой ограде, оперся об нее двумя руками, стоит, молчит. Я поздоровался, спросил, что ему нужно-то. Он посмотрел на меня немигающими, пустыми глазами и заговорил: «Иисуса Христа я сегодня видел. Был он у меня. Выхожу утром из дома, а он мне навстречу. Волосы длинные, в белой одежде». И замолчал. Я стою, жду, что еще скажет. Он продолжал: «Постоял он около меня, посмотрел внимательно, повернулся и ушел. И в тумане пропал». Старик, не ожидая моей реакции, поковылял в сторону своего дома, как тот Иисус Христос, о котором он только что рассказывал. Скончался он, спустя всего несколько дней после нашей встречи. После похорон в его домике появилась какая-то юркая тетка, по возрасту – молодая пенсионерка, которую раньше никто никогда не видел. Жила летом, сторнясь всех. Приезжала, не замеченная никем, и так же незаметно исчезала.

Генка и Галька

Рядом с домиком Тихона располагалось хозяйство семьи Козленко: муж – Генка, жена – Галька. Лет им было в начале 80-х не больше 35, их сыну Лешке – годов 5. Генка был малолетний, но крепкий мужичок. Галька – выше его на полголовы и тяжелее пуда на два. С большим бельмом на правом глазу и могучей фигурой производила впечатление главы бандитской группировки. Начинала говорить – и мнение в этом укреплялось: лающая манера изъяснения и каждое третье слово – матом. Работала в совхозе в полеводческой бригаде, а когда он развалился – переключилась целиком на свое хозяйство. Генка трудился где-то в лесничестве. Пьянствовал, его выгоняли, а потом снова брали на работу – людей не хватало, а он в трезвом виде считался толковым работником: понимал и в плотничном деле, и в печном, да и к тому же неплохо разбирался в технике, имел права на управление трактором и автомашиной.

Когда началось фермерство, он сразу же включился в эту работу. Оформил землю в аренду, быстро соорудил для скота помещение и разместил там купленных в совхозе двадцать бычков. Землю засеял пшеницей. Пить бросил напрочь. Вертелся на работе вместе с Галькой от зари до зари. Если раньше дружил с Володькой, нашим соседом, объединяясь с ним общим интересом по поводу выпивки, то теперь связь эту оборвал. Стал к нам прибаваться: как свободная минутка появится – идет в нам в гости вместе с Галькой и сыном. Поим их чаем, знаем, что спиртного – ни-ни, не предлагать. Жалуется на Володьку: тот смириться не может, что потерял собутыльника. Все, говорит, в драку лезет, как увидит меня, так и норовит подраться. Слыша это, Галька реагировала всегда одинаково: «Увижу такое дело, Володьку прибью, так ему и скажи». Но Володька, видно, имел это в виду, оттого, кроме скандальных разговоров, ничего и не предпринимал.

Генка вел с нами умные разговоры экономического характера: о расходе кормов на бычков, о ценах на мясо в живом весе, об урожае пшеницы, да сколько он соберет зерна, сколько заработает. Считал все правильно. Слушал я его и душа радовалась. Вот, думал, нашел себя человек. А Галька, сидя у нас, откровенно маялась: ругаться нельзя, глупости молоть тоже нежелательно, да и говорить криком не пристало. А беседовать-то надо, и ее, бедную, от такого напряжения даже пот прошибал. Долго не выдерживала, полчаса, не больше.

Генка продолжал уверенно двигаться по пути к успеху. Упорно трудился: заготавливал сено для бычков, добывал для них комбикорм, устроил поилку, провел электричество в коровник и постоянно старался что-нибудь рационализировать, улучшать. Дорогу к своему дому выровнял щебнем, ограду, не ремонтировавшуюся лет десять, привел в порядок. Всем стало видно, что это – усадьба серьезного человека. Даже Галька изменилась: стала опрятней одеваться, меньше говорить, больше работать. Приятно было смотреть на эти изменения. Думалось – вот наглядное влияние свободного труда, без какого-либо принуждения, работа на себя, а не на дядю или государство.

Наступила осень, пришло время собирать урожай и получать дивиденды за напряженный труд. Бычки, по словам Генки, дали «нормативный привес». Сдал он их заготовителям с Калужского мясокомбината. Увезли бычков на нескольких автомашинах. С ними же уехал и сам хозяин. На комбинате после взвешивания скотины дали ему справку, а деньги обещали только дней через десять, не раньше. Такой вот был у них тогда порядок. Ну, а не хочешь – не сдавай, занимайся сам и забоем, и продажей мяса.

Для Генки эта ситуация стала серьезным напрягом. Он поскуцнел, затих. Впереди, однако, его ждало еще более серьезное испытание. Пшеница на его пяти гектарах созрела и зерно начало осыпаться, нужно было срочно убирать урожай. С совхозом была договоренность, что после уборки урожая на своих полях отправят комбайн на Генкины пять гектаров. Но единственный комбайн постоянно ломался, и дело не двигалось. Генка нервничал. Поле было

рядом с деревней, поэтому всем было видно, что урожай пропадает. Генка не вылезал из приемной директора совхоза, ловил его на дороге, просил, умолял, объяснял, что урожай может погибнуть. Но директор бы непреклонен: «Уберем свое, а потом – к тебе».

Деревня сочувствовала Генке и кляла бессердечное начальство. На Генкино поле комбайн пришел, когда уже выпал первый снег. Потери зерна были, конечно, большие, но все же то, что собрали, в результате дало приличную прибыль. Зерно Генка сдал на совхозный ток и стал ждать получения за него денег. Это время стало для него, очевидно, самым трудным в жизни. Калужский мясокомбинат срывал обещанные сроки выплаты, дозвониться туда было очень трудно. Совхоз тоже не торопился рассчитываться, откладывая это дело со дня на день.

Сочувствие односельчан Генка стал оборачивать себе на пользу. Идет кто-либо в сторону Гусево, Генка даст ему просьбу-поручение – нажми на директора, пускай не тянет с оплатой. Как-то вечером пришел ко мне и говорит: «Назавтра надо ехать в Калугу, на мясокомбинат, ты давай, отвези меня». Это была не просьба, а сообщение о работе, которую я должен сделать. Язык не поворачивался отказать, разъяснить, что я занят, да и в Калугу можно съездить на попутке, как все ездят. Отвез я его, за что он дал мне канистру бензина – двадцать литров.

Кончились Генкины мытарства тем, что ему чуть ли не одновременно выплатили положенные деньги и за бычков, и за зерно. В руках у Генки оказалось полтора миллиона рублей. Таких денег у него не было никогда в жизни. На удивление всем стал он совсем другим человеком. Ходил спокойно, важно, говорить стал медленно и рассудительно. Пришел как-то к нам уже не как раньше – послушать хорошего совета, узнать что-то новое, а как равный к равному, сообщить о своих планах. Деньги, говорит, положу в банк под шестьсот процентов годовых. То время было лихое – инфляция бешеная, расплодилось много фирм, разными завлекательными обещаниями выманивающих деньги у клиентов, множество частных банков обещало фантастические проценты по депозитам.

Осторожно разъясняю Генке, что для выплаты ему шестисот процентов годовых банк за этот год должен смочь заработать сам значительно больше, а с учетом инфляции – вообще страшно подумать сколько. Спрашиваю: «Ты сам-то знаешь хоть одно дело, занимаясь которым можно заработать подобную прибыль?» – «Не знаю, но знать-то мне это зачем? Вон сколько у меня вырезок из газет, смотри. Все предлагают большие проценты. Некоторые даже больше шестисот годовых». И, поучающе: «Думать надо. Очень много когда предлагают – это может быть обман. С такими иметь дело нельзя. Вот так». Ясно стало, что Генка, как положено бизнесмену, изучил вопрос, и переубедить его вряд ли удастся. «Ладно, – говорю, – раз все знаешь – действуй». Мое «разрешение» воспринял с усмешкой, дескать, мы и сами с усами.

Отнес он почти все свои деньги в калужское отделение какого-то московского банка. Оставил немного на текущие траты и зажил с этого момента совсем другой жизнью. С Галькой на пару стал выпивать, причем запах шел от него, поддатого, совсем не сивушный, а благородный – коньячный, и курил он уже не «Приму», а красивые длинные сигареты с фильтром. На барахолке в Медыни купила ему Галька белый свитер. Выглядел в нем он очень импозантно.

С неделю Генку никто не видел. Это время он сидел в избе и занимался расчетами. Следил, как потом рассказывал мне, несколько вариантов. Все они касались его предполагаемых контактов с банками. Идея была такая: через год он получает свои деньги, выросшие в шесть раз, часть тратит, а другую – распределяет по трем-четырем банкам с разными депозитными условиями. Где-то будет брать проценты ежемесячно, в каком-то банке вклад будет выигрышный, а еще наметил держать часть денег в банке в валюте. В общем, разработал целую программу, с которой меня и познакомил. Главное в его программе было то, что работать физически он больше не будет. Хватит, потрудился, поломал спину. Умные люди и жить должны поумному. Переедет в Медынь, купит там квартиру. Сына Сережку определит в Калуге в платный интернат с математическим уклоном. У пацана ведь явные способности к математике: нет и семи лет, а до тысячи считает запросто. Галька станет домашним хозяйством заниматься.

Стал к нам захаживать чаще обычного, а деревенских сторониться. Ясное дело, он теперь им не ровня, понимать должны. По условиям банковского договора некоторую небольшую сумму Генка мог получать раз в месяц. Прошло какое-то время, отправился он в Калугу и там узнал, что отделение банка закрыто и ехать нужно в Москву. Не откладывая, на следующий же день отправился в столицу. С трудом нашел этот банк, но туда его не пустили. Разговор шел через окошечко в двери. Дали номер телефона и твердо заявили, что общение с клиентами – только по телефону. С трудом дозвонился. Работник банка себя не назвал, но сообщил, что у банка трудности и позвонить можно не раньше, чем через две недели.

После нескольких бесплодных телефонных контактов и попыток встретиться с работниками банка убедился Генка, что, скорее всего, деньги его пропали. Когда стал угрожать по телефону всякими неприятностями за мошенничество, вежливый женский голос посоветовал обратиться в суд. Это был конец... Остался Генка у разбитого корыта, как та старуха в сказке о золотой рыбке. Что в дальнейшем делала старуха, поэт не написал, а вот что делал Генка, видела вся деревня. Начал пить. Раньше, бывало, выпьет лишнего, но до дома доходит. Теперь пьет, пока с ног не свалится, и не важно, где и в какую погоду. Бриться стал от случая к случаю, выглядел неприлично. Но самое главное – озлобился на всех и больше всего – на меня, он ведь поведал мне все свои сокровенные мысли, я его отговаривал, убеждал, а он в открытую посмеивался над моими опасениями. И вот я оказался прав.

Деревенские его жалели. Один Володька откровенно радовался грехопадению Генки и возвращению его в «дореформенное» состояние. Прежняя дружба их снова наладилась, и нередко видели их вдвоем, когда изрядно пьяные шли они из Гусева, бессвязно горланя какую-то песню.

Все же пришлось Генке работать. За глаза его продолжали звать «Генка-фермер», но фермерскими делами он больше не занимался. Остался у него один бычок, вот его и содержал, ковырялся на подворье и сосредоточился на воровстве. Тянул все, что мог и откуда только мог: сено, комбикорм, силос, дрова, доски, проволоку, трубы. Делал это, как стемнеет. Завозил ворованное на тракторе или автомашине. У нашего дома на столбе висел уличный фонарь, свет он давал хоть и не сильный, но достигающий до Генкиного двора. Совсем недавно это ему нравилось, а теперь стало здорово мешать. Его не устраивало, чтобы кто-либо видел, что он привозит. Стал скандалить, требовать, чтобы фонарь убрали. Он, дескать, светит в глаза, когда Генка работает в коровнике. Говорил со злостью и ожесточением, явно не желая помнить недавние ученые беседы «за жизнь», норовил все полезть в драку. Успокоился только тогда, когда в одну из ночей скрытно залез на столб и обрезал провода.

Володька и Сашка

Володька Афанасьев, наш непосредственный сосед, был человеком редким и по-своему уникальным. Вспомнилась методика, предложенная одним из американских университетов. Для характеристики человека в ней используются три слова: «хочу», «могу», «умею». «Хочу» – характеризует активную жизненную позицию, «могу» – умственные способности, «умею» – трудовые навыки, умение работать руками. С предлогом «не» возможны восемь комбинаций для оценки конкретного человека. Самая высокая оценка – это «хочу», «могу», «умею». Возможны такие, например, варианты: «не хочу», но: «могу» и «умею». То есть у человека активная жизненная позиция отсутствует, но способности к умственной деятельности и трудовые навыки имеются. Никуда не годные люди оцениваются как три «не»: «не хочу», «не могу», «не умею». Володька твердо занимал эту самую непрестижную позицию. Без малого двадцать лет мы прожили в Мешково и все эти годы вынуждены были с ним общаться. Сестра Володьки много времени проводила в его доме, где жил и ее сын Сашка, в конце 70-х годов пришедший из армии. Служил он в престижных воздушно-десантных войсках. Сестра вела, видимо, их хозяйство. Не раз замечали, как она обоих мужиков гоняла работать в их маленьком огороде и на картофельном поле. После ее смерти огород был заброшен, да и картошку они перестали сажать.

Володька старше племянника лет на пятнадцать, оба физически здоровые, и у обоих нежелание трудиться перехлестывало все другие их помыслы. Проходил год за годом, и мы все лучше узнавали характеры своих соседей. Если бы мы не видели их воочию, не имели бы с ними контактов, то никогда бы не поверили, что возможно само существование подобных типов. Все время, что мы их знали, они ни в какой организации не числились. Когда-то Володька работал в совхозе, как он говорил, «на чистой работе» – включал и выключал электрический насос поливочной системы и присматривал за ним: смазывал, «обеспечивал сохранность», т. е. запирали дверь насосной в конце рабочего дня. Поскольку кроме этого он делать ничего не желал, должность его сократили.

Трудно было понять, на что они жили, но потихоньку картина прояснялась. Имели они скотину: корову, быка и штук пять-шесть овец. Этим и кормились. Овцы летом не требовали особой заботы, сами уходили утром пастись и сами же возвращались вечером. Корова и бык летом особых хлопот в части кормов также не доставляли. Трудности для соседей заключались в том, что корову ведь надо доить, а помещение для скотины – очищать от навоза. Бывало, недоенная корова подолгу душераздирающе мычала, а соседей-лодырей не могли найти. Знали, что они где-то пьянствуют, а вот где конкретно – неизвестно. Не раз случалось, что с другого конца деревни приходил кто-нибудь и доил бедное животное, не в силах терпеть его и свои мучения.

Особо остро для соседей стояла «навозная проблема». Обычно крестьяне вывозят навоз на поля. А здесь никакого поля не существовало, а просто удалять навоз у мужиков не было никакого желания. Но хочешь или нет, а помещение для скота следовало очищать, поэтому выгребали навоз за пределы хлева, затрачивая минимальные усилия. У ворот со временем выростала гора с человеческий рост, оставался лишь узкий проход, в который дважды в день, раз – утром и второй раз – вечером, с трудом протискивалась скотина.

Основная и, пожалуй, единственная работа соседей-«трудоголиков» заключалась в заготовке сена на зиму. Известно, что на одну голову крупного рогатого скота требуется три тонны сена, а для десятка овец нужно сена столько, сколько съедает одна корова. Получалось всего тонн восемь-девять, не меньше. Здесь надо было хорошо поработать, ни схитрить, ни сэкономить не удастся.

И соседи работали. Их покос был рядом с домом. Когда-то это было совхозное хорошо удобренное поле, и трава здесь росла густая и высокая. Принято считать, что косьба – духоподъемное занятие, веселое и интересное. Оно таким и было для крестьян испокон веку. Наши же «орлы» выходили косить траву как на казнь. Мы-то сначала не понимали, как трудно им переломить себя и работать как все. Спросишь, бывало, у них что-либо в это время, часто просто для вежливости, а в ответ – хамство: видите, люди работают, а вы лезете. Потом поняли, что любая работа для соседей – процесс мучительный.

Для облегчения своей трудной жизни корову они продали. Купили ее блуждающие по окрестностям цыгане-заготовители. Забили на месте, сноровисто разделали и сразу расплатились. Соседи по этому поводу гуляли с неделю, собрав у себя со всей округи с десятков выпивох. В дальнейшем, не раз случалось, забивали овцу, и пьяный пир повторялся, но в меньшем масштабе. Единственным кормильцем у них оставался бык. Крестьяне-хозяева, как правило, бычков не держали, семью кормила корова, а если у нее рождался теленок-бычок, то в конце лета его забивали на мясо. А наши соседи устроили бизнес по осеменению коров. Ежедневно, а то и чаще, из соседних деревень приводили коров для покрытия. Платили за это деньгами или водкой. Бизнес хоть и небольшой, но совершенно не утомительный. Для нас однако он создал определенные сложности. Поскольку весь процесс протекал вблизи нашей ограды, приходилось по этому поводу постоянно давать соответствующие пояснения нашим любознательным внукам.

Соседи любили просить. Причем просили все: спички, соль, хлеб, чай, выпивку, одежду и т. п. И если Сашка просил слегка униженно, отводя глаза в сторону, то Володька – совсем по-другому. Он даже и не просил, а скорее всего просто предлагал дать ему, что требовалось. И давали. Он вскоре понял, что портить с ним отношения мы просто побаиваемся, опасаясь, что он со зла сделает что-нибудь вредное. Мы же думали, что угождая ему, можно надеяться, что он не только не напакостничает, но и в наше отсутствие присмотрит за хозяйством, охранит его от воров.

Но получалось все не так, как нам бы хотелось. Видя нашу интеллигентскую нерешительность и деликатность, Володька стал наглеть. Повел себя как диктатор местного масштаба – нашего края деревни. Мы обычно приезжали в пятницу поздним вечером, а в субботу с утра, не спрашивая разрешения, он заходил на наш участок, осматривая внимательно все, что попало на глаза, и по ходу комментируя: «Это я видел! А это, кажись, сейчас привезли». Глядя на саженцы, изрекал: «Правильно, надо сажать, надо. Молодцы!» И продолжал болтать дальше в таком же духе. Поняв нашу слабость, держал он нас в постоянном напряжении, намекая, что дом может сгореть, дескать, в деревне это бывает нередко.

Терпели его поведение года два, не меньше. Последним его «подвигом» было вторжение в нашу избу во время завтрака, когда все собрались за столом. Вошел, не спросясь, не здороваясь, открыв дверь настежь, и начал хозяйский обход всех углов, приговаривая все так же: «Это я видел! А это сейчас привезли!» и т. д. Мое терпение слетело с предохранителя. Поскольку когда-то обучался специальным приемам и некоторые навыки сохранились, мгновенно и очень ловко заломил ему руку за спину, ухватил за штаны и, поставив его на цыпочки, выволок наружу. А там, на лужайке, подсечкой бросил его навзничь на землю, поднял и перекинул через нашу невысокую ограду. Эффект был поразительный: Володька был ошарашен, полностью потерял ориентацию и довольно долго лежал без движения за оградой. А я стоял, распаленный, и смотрел на него, лежащего. Вдруг подумал: «А я ведь мог его искалечить!» Защемило внутри: «Что же я наделал!» Наконец, он поднялся сначала на колени, потом встал в полный рост и, не оглядываясь, слегка согнувшись, посеменил к своему дому. Я облегченно вздохнул.

С этого дня у нас началась настоящая мужская дружба. Если раньше он обращался ко мне не иначе как по имени в свойственном ему нахально-пренебрежительном тоне, то теперь

– коротко и уважительно по отчеству – Леонидыч. Я стал признанным лидером, а он – подчиненным, который, как и бывает в реальной жизни, позволял себе иногда немного послушаться главаря, но поскольку хорошо помнил убедительные аргументы моего лидерства, как зверек, порывав тихонько в сторону, неизменно смирялся со своим теперешним положением.

Узнал, что я, оказывается, профессор, и понял, что нашел, наконец, достойного собеседника, затеявая многочасовые выступления, охватывая ими самую широкую тематику. Вот здесь я уже был бессилен и противиться ему не мог. Происходило это каждый раз одинаково: Володька располагался поудобней снаружи ограды, повисая на ней так, что видна была одна голова да руки, и начинал выступление. Ответа он не требовал, просто высказывал мнение по разным вопросам, от балета до положения, например, в Нигерии. Фразы у него не имели логического начала, а конец их без всякой паузы переходил в сообщение, далекое от предыдущего.

Что делают люди, вырвавшиеся на дачу на два выходных дня? Как правило, интенсивно трудятся на своем участке. Вот, бывало, приедешь в Мешково и не знаешь, за что хвататься, дел невпроворот. А в это время сосед-бездельник осыпает нас многочасовой словесной шелухой. Решили совместно всей семьей: пускай болтает, будем воспринимать это как местную экзотику. Но иногда все же, когда терпения не хватало, скажешь ему: «Володь, заткнись, шел бы ты домой!» Бывало, что и послушает, а чаще заканчивал тогда, когда уставал. При этом темы у него никогда не исчерпывались, потому что ему ничего не стоило в одном и том же выступлении повторить сызнова ранее сказанное. И что интересно, Володька на грубость не обижался, чувствовалось, что он искренне считал, что речи его умные и полезные, но не все его понимают, даже эти высокообразованные москвичи.

Много лет спустя довелось слушать выступление В. Жириновского перед студентами-первокурсниками. Он говорил долго, легко перескакивая от одной проблемы к другой, не связанной с предыдущей. Между делом заявил, что говорить он может, если надо, не останавливаясь, не меньше восьми часов. Тогда же подумалось, что в партии Жириновского Володька с его ораторскими способностями был бы, вероятно, не последним человеком. И еще пришла мысль, что Володька, по сути, – Жириновский местного масштаба. В деревне он был не в чести за лень и попрошайничество, а вот за речи – уважаем: так гладко и много говорить никто из односельчан не умел. А известно, что когда сам что-то не умеешь, в других это особенно ценишь.

По мере знакомства узнали детали прошлой Володькиной жизни. Оказывается, он когда-то в молодости побывал на целине, поработал трактористом. Но не понравилось: тяжелая работа. Нам, интеллигентам с мозолистыми руками, однажды показал свои руки: «Смотрите – ни одной мозоли, не то, что у вас!» И действительно, его небольшие кисти были белые, ухоженные, ни порезов, ни мозолей, ногти чистые. Руки были его гордостью, таких не было ни у кого в деревне. Он это знал и этим очень гордился.

Любил Володька задавать загадки типа: «Что в машине лишнее?» Ему, конечно, не отвечали. Черт его знает, что там лишнее. Он, видя слабость собеседника, покровительственным тоном изрекал: «Грязь!» – и, довольный, смеялся. Особо нравилось ему смотреть, как другие работают. Подавал советы, иногда неплохие, мог толково рассказать, как у других эта работа выполнялась. Дураком он, конечно, не был.

Как-то мы с сыновьями взялись ремонтировать деревянный срубик вокруг ключа, откуда жители нашего края деревни брали воду. Только начали работу, явились Володька с Сашкой. Разместились на траве поудобней и сразу же взялись давать советы. Заметил я пыль на дороге, стал всматриваться, говорю: «Уазик едет, видно, директорский». Наши зрители метнулись сразу в ближайшие кусты и залегли, скрывшись в высокой траве. Показывали нам разными знаками, чтоб мы не выдали их. Действительно, это был директор. Подъехал, поздоровались, поговорили немного, и он отправился дальше по своим делам. Соседи наши выползли из своего укрытия и заняли прежние позиции. Спрашиваю: «А зачем прятались-то, чего испу-

гались?» Володька молчал, а Сашка нехотя пояснил: «Работать заставляет». С трудом выяснил суть дела. Совхоз, оказывается, предоставляет разные услуги даже тем, кто не числится у него в штате. Бесплатно возит на своих машинах в Медынь, централизованно обеспечивает газовыми баллонами, дровами по льготной цене, содержит практически за свой счет фельдшерский пункт. А за все это считает справедливым привлекать жителей к страдным работам. За деньги, не бесплатно: косить траву, убирать картошку, помогать на току. Вот именно этого-то наши соседи и опасались.

Закончили мы работу часа за три. Хорошо получилось. Сруб сделали новый, на венец повыше старого, приладили сверху крышку, чтоб скотина пить не могла. Подошел Володька, работу одобрил, прутиком зачем-то замерил наше сооружение, чему мы тогда не придали никакого значения. Позже случайно узнали, что они с Сашкой в Гусевской администрации получили шесть тысяч рублей за ремонт общественного водозабора, как это было предусмотрено сметой. А к акту выполненных работ был приложен и простой чертежик с размерами.

Потребность в спиртном у соседей была постоянная. Удивил меня как-то случайно подслушанный разговор Володьки с одним из его знакомых, который занимался самогонварением. Володька спросил того, как, дескать, у тебя самогонка-то хорошая? Тот отвечает: «А ты что, не знаешь, какая бывает самогонка?» Володька: «А у нас с Сашкой терпенья не хватает, мы брагу пьем. Самогонки и вкус забыли».

После каждой попойки, с похмелья Сашка обычно угрюмо молчал и бесцельно мотался по деревне, иногда клянчил хоть глоток водки. Володька же наоборот был преисполнен агрессии и злобы, которую срывал на скотине: мог огреть бычка подвернувшейся палкой и орал на него матом как на своего злейшего врага. Доставалось в это время и Сашке. Случались у них и драки, в которых племянник легко побеждал дядю. После чего тот нередко ходил с фингалом под глазом, скрывая его надвинутым к бровям козырьком кепки.

Свой дом соседи не строили, он им достался каким-то образом в готовом виде. По всем признакам этот просторный пятистенок был когда-то крепким и красивым сооружением с высокими потолками, фронтоном, зашитым досками в елочку, большими окнами с резными наличниками и фигурными ставнями. Но за те почти двадцать лет, что нам довелось его наблюдать, он заметно разрушался. Пришла в негодность завалинка, на которой рос бурьян и угнездились даже низкорослые деревья. Покосились окна и входная дверь, крыльцо от сезонного пучения мерзлого грунта так скособоилось, что ходить по нему стало опасно, риск был провалиться в щель между подгнившими досками, щепка на кровле местами отсутствовала, стлевшая от времени и сдутая ветром. В тех местах, где ее не было и постоянно случались протечки, в доме стояла посуда – тазы, баки, кастрюли.

Володька не любил пускать в дом посторонних. Свободный вход был только у нескольких собутыльников. Мне все же по какой-то надобности пришлось однажды зайти к соседям. Тогда я и увидел все эти сосуды для сбора воды. Ну а само внутреннее убранство их жилища лучше не описывать – нет для этого подходящих слов. Самое понятное и правильное – это была зловонная помойка, среди которой располагались две лежанки, покрытые рваньем. Как-то для проверки правильности работы электросчетчиков проходила по деревенским домам женщина из энергонадзора. Зашла к нам бледная и говорит: «Я у вас посижу немного, отдышусь, тошнит меня». Объяснила: «Была у ваших соседей, такая у них вонь, что потянуло на рвоту». Дали ей попить воды. Посидела немного и пошла дальше.

«Индикатором» заброшенности дома могла служить кирпичная дымовая труба. Я впервые в жизни видел, чтобы она была сложена из кирпичей «насухо». Насухо – это значит, что кирпичи не были скреплены раствором, там не было даже его остатков, и дым выходил не только вверх, как положено, но и вбок через многочисленные щели. Первое время, не понимая, что за люди живут рядом с нами, иногда советовал что-либо сделать по хозяйству, пытался подсказать какое-нибудь удачное решение. И о трубе говорил, выражал опасение: «Володь,

ведь сгореть можете! Возьми у меня песок, цементу немного, глины. Переложу трубу». Тот в ответ махнул рукой, отстань, дескать, и сказал, что трубу делали еще прежние хозяева в тридцатые годы и с ней ничего не случится, раз столько простояла. Понятно мне стало, что раствор между кирпичами (а он мог быть только глиняным, ведь о цементе в деревне в то время и не мечтали) за многие десятилетия был просто вымыт дождями.

Иногда кто-то в насмешку, с намеком на особые интимные отношения спрашивал Володьку: «А что вам, мужикам, вдвоем хорошо, видно, жить-то?» На что он всегда реагировал агрессивно и имитировал даже желание подраться. Но, будучи трусоватым, всегда ограничивался угрозами.

Все-таки нам было небезынтересно узнать родословную соседей, да и причину их бобыльской жизни. Жители деревни объясняли, почему Володька не женатый. В молодости будто бы он любил одну деревенскую девушку, а ее убило молнией. С тех пор на женщин он не смотрит и поэтому никогда не был женат. Хорошо узнав соседа, в эту историю поверить мы не могли. Если бы она хоть частично была правдой, Володька бы все уши прожужжал, рассказывая о ней. Настоящая же причина его холостячества уж очень понятно иллюстрировалась Сашкиным примером. Он-то был молодым, в самом цветущем мужском возрасте. Отслужил в хороших войсках, ну чем не жених? Жениться пытался, мы видели и женщин, претенденток на его «руку и сердце». Таких было две. Утром они появлялись и вечером исчезали навсегда. Видно, оглядев внутренность жилища этих мужиков, они хорошо понимали, какая судьба их ждет. А что касается Володькиной романтической истории любви, то причина сказки, сочиненной деревенскими, видится мне в том, что у людей наших добрые души, поэтому, видя нагромождение многих мерзостей в одном человеке, непроизвольно ищут в нем что-то хорошее, светлое, а если не находят, то выдумывают это.

Как-то Володька, будучи в легком подпитии, сказал между делом, глядя на меня искоса и, по-моему, понимая, что гордиться этим уже не очень современно: «Отец мой был здесь комбедом». Понимать следовало – председателем комитета бедноты. Деревенские подтвердили: да, это так. Для меня после этих слов многое, что касалось наших соседей, встало как бы на свое место, стало понятней.

Попалась мне однажды на глаза книга А. И. Деникина «Путь русского офицера». Прочитав ее и обратив внимание на строки, касающиеся характеристики комитетов бедноты. Они мне показались справедливыми: «В состав этих комитетов обыкновенно входили элементы пришлые, давно уже потерявшие связь с деревней, или безземельные, бездомные, нехозяйственные, иногда с уголовным прошлым, составлявшие подчас большую и грязную накипь деревенской жизни. Деятельность их проявлялась в формах насилия и произвола, направляясь по преимуществу к «уравниванию», т. е. к ограблению зажиточных и крепких крестьян, дележу их имущества, земледельческих орудий, рабочего скота и запасов»¹.

Володька, видимо, характер унаследовал от отца, демагогия которого была востребована его временем. Отец, сам не желая и не умея трудиться, очевидно, не привил трудолюбия и своим детям. Поневоле вспомнилось о генетике: существуют, вероятно, какие-то гены лени, которые председатель комитета бедноты передал своему потомству.

Умер Володька, когда ему не было и шестидесяти. Года за два до смерти стал молчалив, явно потеряв интерес к любимой им пустопорожней болтовне. Вдруг стал заметно полнеть, ходил медленно и важно. Если и раньше почти ничего не делал, то теперь полностью прекратил любые занятия, переложив все на Сашку, который от такого нахальства родного дяди периодически заходил от возмущения матом, обещая «не давать ему жрать». Но Володька на это не реагировал.

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: ПРОЗА и К, 2014.

Как-то в ясный солнечный день шел я по тропинке из Гусева к себе домой в Мешково. Начались уже первые заморозки. Шагал и весело давил ногами тонкий ледок, покрывший неглубокие лужицы. Вдруг после поворота увидел на земле человека. Он лежал на спине головой вперед по ходу моего движения. Быстро подошел ближе, взгляделся – да это Володька! Одет по-зимнему: в шапке, кирзовых сапогах, сером ратиновом пальто, которое я ему дал когда-то. Лежал как по стойке «смирно»: ноги вместе и руки по швам. Глаза открыты, лицо спокойное. Спрашиваю:

- Володька, тебе плохо?
 - Да нет.
 - А чего лежишь?
 - Думаю.
 - Ты что, серьезно? Думал бы дома.
- Не ответил.
- Ну, как знаешь.

Удивленный, я пошел дальше. В тот же день уехали в Москву. Перед отъездом видели: Володька сидел на лавке около крыльца. В следующую пятницу узнали, что Володька умер, и его уже похоронили. Деревенские рассказывали, что забулдыги, которые постоянно вертелись у него в усадьбе, пока он был жив, на похороны не пришли. Хоронил его Сашка, да помог кто-то из деревенских баб. Причину смерти определили как сердечную недостаточность.

Сашка один в доме оставаться не стал, определился на работу в Медыни в городскую котельную. При ней и жил – в маленькой комнатухе, служившей ранее кладовой. Прожил недолго. Подрабатывал на разгрузке машин с продовольствием для соседнего магазина. Как-то ему с напарником повезло: разгружали огромную фуру с водкой, и удалось незаметно украсть один ящик – 20 бутылок. За всю жизнь не было у него такой удачи – пей, сколько хочешь. От передозировки умер, а его напарника еле откачали. Со смертью Сашки еще один дом в Мешкове остался бесхозным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.